

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА И НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА И ЛИ БАЯ*

* Статья является национальным проектом фонда социальных наук. "Перевод на русский язык китайских политических метафор с помощью трансформации на основе лингвистического корпуса" (17СҮҮ057); Исследовательский проект в области философии и социальных наук провинции Хэйлунцзян "Исследование механизма перевода трансформационным способом китайско-русских метафор" (16ҮҮС06); 61-й Китайский научный фонд по постдокторантуре финансовых проектов "Исследование механизма перевода трансформационным способом китайских классических метафор на русский язык" (2017М611405); Хэйлунцзянский постдокторантурный финансовый проект "Китайско-русские культурные метафоры, сравнение и перевод трансформационным способом" (LBH-Z16168); программы инновационной подготовки молодых учёных в вузе провинции Хэйлунцзян в 2016 г. "Исследование метафоры в полном китайско-русском переводе" (UNPYSCST-2016170).

Сунь Цюхуа

Д.н. по специальности "Китайский язык и литература" (Хэйлунцзянский университет), научный сотрудник передвижной станции, К.гум.н., доцент, институт русского языка Хэйлунцзянского университета

THE INTERRELATION OF THE CONCEPTUAL PICTURE OF THE WORLD AND NATIONAL CULTURE IN THE POETRY OF S. YESENIN AND LI BAI

Sun Qiuhua

Annotation

This paper analyzes the interrelation of the conceptual picture of the world and national culture in the poetry of Sergei Yesenin and Li Bai. Comparative analysis shows that Yesenin's temperament is close to the "The Chinese style". Like Li Bai, he is distinguished for his generous nature, keen senses and romantic feelings. And the most surprising thing is that the two poets from different countries were thousands of years apart, and Yesenin had never been to China. It can be said that Li Bai's life and creation had some influence on the S.A. Yesenin. From Sergei Yesenin and Li Bai's poetry words we can conclude the key coincidence of Russians and Chinese nationality: the longing for a harmonious, sincerity, dream of a world order and eternal life, as well as in thinking and action should have noble good wishes.

Keywords: interrelation; concept; picture of the world; national culture; poetry; Sergei Yesenin; Li Bai.

Аннотация

В статье анализируется взаимосвязь концептуальной картины мира и национальной культуры в поэзии Сергея Есенина и Ли Бая. Сравнительно-сопоставительный анализ показывает, что Есенин близок "китайскому типу" по темпераменту. Как и Ли Бай, он отличается великодушным характером, тонкой чувствительностью, романтическим пафосом. И что самое удивительное: эти два поэта из разных стран отделены тысячелетием, к тому же Есенин ни разу не был в Китае. Можно сказать о некотором влиянии жизни и творчества Ли Бая на поэзию С.А. Есенина. Стихотворные строчки Сергея Есенина и Ли Бая позволяют сделать вывод о ключевых совпадениях в национальных характерах русских и китайцев: стремление к гармонии, душевность, мечта о миропорядке и вечной жизни, желание быть благородным и красивым в мыслях и на деле.

Ключевые слова:

Взаимосвязь; концепт; картина мира; национальная культуры; поэзия; Сергей Есенин; Ли Бай.

Как известно, для восприятия и адекватной интерпретации произведений художественной литературы необходимо добиться их полного понимания не только на уровне языка, но и на уровне смысла. Понимание при чтении подразумевает, во-первых, процесс восприятия, во-вторых – воссоздание смыслового замысла автора, что означает необходимость его адекватной интерпретации, находящей свое реальное выражение в адекватном усвоении заложенной в нем концепции [6].

Концептуальная картина мира находится в неразрывной связи с соответствующей национальной культурой. Это находит подтверждение в многочисленных высказыва-

ниях известных деятелей литературы и искусства. Так, К.Д. Ушинский писал в одной из статей: "В языке одухотворяется весь народ и вся родина; в нем претворяются творческой силой народного духа в мысль и звук небо отчизны, ее воздух, физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы... Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной отчизны, но и вся история духовной жизни народа" [цит. по: 2, с. 17].

Конечно же, лингвострановедение воспринимается как неотъемлемая часть изучения отдельно взятого языка. Однако и здесь возможен сравнительно-сопостави-

тельный анализ, обозначающий точки соприкосновения между представителями разных этносов.

Во всех языках и литературах существует поэзия – творчество в стихах. Поэтов роднят способность к образному отражению жизни, свободное владение законами стихосложения, широкое использование средств художественной выразительности. В данном аспекте поэзию можно определить как особый язык, для создания и восприятия которого необходимо постижение принципов его построения. Мир стихосложения объединяет подчас представителей разных языковых семей и разных эпох. Это особенно заметно на примере таких известных национальных поэтов, как Сергей Есенин (Россия) и Ли Бай (Китай).

Можно сказать, что С. Есенин (1895–1925) – это сама Россия: её душа, её сердце, её боль, надежда, радость, её национальный характер.

Ли Бай (701–762) – один из самых гениальных поэтов китайской древности. Его богатейшее поэтическое наследие, проникнутое милосердием, добротой, великим чувством любви к Родине, проклятием силам зла – силам войны, ненависти, вражды, по праву является выдающимся явлением древности.

Сравнительно-сопоставительный анализ показывает, что Есенин близок "китайскому типу" по темпераменту. Как и Ли Бай, он отличается великодушным характером, тонкой чувствительностью, романтическим пафосом. И что самое удивительное: эти два поэта из разных стран отделены тысячелетием, к тому же Есенин ни разу не был в Китае. Однако не трудно представить, с каким интересом Сергей Есенин выслушал рассказ одного из друзей – писателя и журналиста Н.К. Вержбицкого – о великом Ли Бае: "Этот замечательный поэт был приглашен ко дворцу императора. Придворного поэта полюбила императрица. Ли Бай бежал от этой любви. Император в благодарность дал ему пятьдесят ослов, нагруженных золотом и драгоценными одеждами, которые надевались только в дни самых торжественных дворцовых празднеств. Отъехав немного от столицы, поэт велел среди проезжей дороги накрыть стол с яствами и стал угощать проходящих и проезжавших крестьян, а угостив, на каждого надевал придворную одежду. Когда золото было израсходовано, вино выпито, кушанья съедены, одежды розданы, Ли Бай пешком отправился дальше. Дошел до огромной реки Янцзы, поселился здесь и часто ночью на лодке выезжал на середину реки и любовался лунным отражением. Однажды ему захотелось обнять это отражение, так это было прекрасно. Он прыгнул в воду и утонул..." [3, с.396].

Рассказ Вержбицкого глубоко тронул С. Есенина. Русский поэт попросил друга подробнее рассказать о китайском собрате по перу, и Вержбицкий с удовольствием

отыскал для него переводы стихотворений Ли Бае на русский язык. С.А. Есенин хорошо понимал, что рассказ о Ли Бае – это легенда, которая только сложилась на основе реальных фактов, но дошла до потомков с большой долей домысла. Однако, и это главное, именно в ней нашла образное отражение щедрая натура и великодушно-романтический темперамент бессребреника Ли Бае.

Образ вольнолюбивого стихотворца надолго остался в сознании Есенина. Можно даже сказать о некотором влиянии жизни и творчества Ли Бае на поэзию С.А. Есенина. Известны интересные факты, свидетельствующие об этом. Так, летом 1925 года Есенин специально послал Вержбицкому из Москвы портрет Ли Бае (вырезку из какого-то английского журнала): "Охмелевший поэт бредет куда-то, сопровождаемый юношей и девушкой. Он добродушен, счастлив и спокоен". На оборотной стороне портрета была надпись, сделанная рукой поэта: Дорогому другу Коле Вержбицкому на память.

*Жизнь такую
Как Ли Бай, я
Не сменял бы
На другую
Никакую!*

С. Есенин [цит. по: 1, с. 272]

Влияние китайского поэта заметно в одном из стихотворений 1925 года:

*Море голосов воробыных.
Ночь, а как будто ясно,
Так ведь всегда прекрасно.
Ночь, а как будто ясно,
И на устах невинных
Море голосов воробыных.
Ах, у луны такое
Светит - хоть кинься в воду.
Я не хочу покоя
В синюю эту погоду.
Ах, у луны такое
Светит - хоть кинься в воду.*

[7, т. 3, с. 83]

Стихотворные строчки еще раз убеждают нас в том, что преемственность среди служителей муз не ограничена временем, пространством и национальной принадлежностью.

Русского и китайского поэтов объединяет единство тематики, особенно их лирические стихотворения о любви к Родине и народу. Давайте обратимся к поэзии Есенина. Чудесный, прекрасный, неповторимый мир! В сердце Есенина с юных лет запали ветровые слезы России, её грустные и раздольные песни, светлая печаль и молодецкая удаль, церковный благовест и сельская тишина. Это особенно заметно в стихотворениях "Русь", "Гой ты, Русь, моя родная...", "Русь Советская", "Русь уходящая" В них

каждая есенинская строка согрета чувством безграничной любви к Родине. Давно стали крылатыми есенинские строки:

*Если крикнет рать святая:
"Кинь ты Русь, живи в раю!"
Я скажу: "Не надо рая,
Дайте родину мою".*

[7, т. 1, с. 130]

Нетрудно заметить, что вся сложная гамма чувств поэзии Есенина проникнута любовью к Родине, которая всегда томила, мучила и жгла чистую душу поэта. По мнению Н.В. Устрялова, русского публициста, историка, а впоследствии директора одной из крупнейших библиотек в г. Харбине (Китай), С.А. Есенина можно сравнить с Н.В. Гоголем по силе чувства любви к родине. "Как Гоголю в прекрасном его далеке мерещились лишь русские просторы и летящая по ним птица-тройка, так и есенинская муза ... нема и бессильна вне родины", – утверждал исследователь [10, с. 76]. Об этом свидетельствуют поэтические строчки русского гения:

*Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнут ложь и грусть, –
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким "Русь".*

[7, т.2, с. 171]

Ли Бай, в свою очередь, был истинным патриотом, заботился о государственных делах, искренне хотел служить на благо династии Тан. Хотя нельзя не отметить, что в его стихах сильна критическая направленность, в них постоянно звучит недовольство мрачной действительностью. В поэтических строчках "Гу фэн" (форма стиха древнего Китая, отражающая мысль и жизнь народа), "Цзян цзинь цю" ("Будем пить"), "Лян юань инь" ("Декламация на огороде"), "Цы е гэ" ("Песня в ночи"), "Сун ю жэнь" ("Провожая друзей") он выразил свое горячее желание беззаветно служить Родине, равнодушие к богатству и почестям.

Родина для поэтов сливается с неповторимым обликом окружающей природы, в которой каждая деталь приобретает особое звучание. Лингвострановедческий подход помогает определить единство и разность восприятия концептуальной картины мира в России и в Китае. Так, представляет несомненный интерес трактовка образа луны, наиболее частотного в поэзии С. Есенина и Ли Бая.

Основной семантический признак луны – "круглый" – и древняя мифологическая традиция лежат в основе переносных значений этого слова в русском и китайском

языках. Разные культуры придают этому слову разные коннотации, оценки.

На основе семантического признака "круглый" у слова "луна" в русском языке возникло переносное значение "о круглом лице женщины или округло-пухловатом, здоровом и несколько глуповатом лице", которое реализуется в устойчивых сравнениях *кругла лицом как луна, лицо у кого (круглое) как (полная) луна*. Данные сравнения зачастую имеют ироническую или неодобрительную оценку. Это обусловлено тем, что в русской традиции округлые формы луны, вызывавшие в Древней Руси положительные ассоциации, позднее сменились на отрицательные.

Некоторые русские ученые и писатели считают, что слово "луна" в значении "месяц, небесное светило" заимствовано из латинского языка, а слово "месяц" является собственно русским словом. В романе И.А. Гончарова "Обломов" читаем: "В этом краю никто и не знал, что за луна такая, – все называли ее месяцем" [4, с. 101]. Следовательно, еще в XIX в. слово "луна" знали не все в России. Месяц, по данным "Русского мифологического словаря", является мифическим воплощением ночи в противоположность дневному светилу, его супруге Солнцу [9, с. 214]. Образ месяца, реже образ луны, имеет в поэзии С. Есенина закономерную повторяемость.

"Узорными песнями молодого гусяря" назвал юношеские стихотворения Есенина исследователь Р. Гуль [5, с. 35]. Стихотворения из сборника "Радуница" проникнуты народно-поэтическим отношением к миру природы, в них часто повторяются и слово "луна", и слово "месяц", например:

*Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц урони.*

[7, т. 1, с 61]

Нетрудно заметить, что здесь образ месяца олицетворяется согласно принятой в мифологии трактовке. Связь между месяцем и солнцем как двумя партнерами находит характерное отражение в дальнейшей есенинской поэзии:

*Прячет месяц за овинами
Желтый лик от солнца ярого.*

[7, т. 1, с. 195]

Образ месяца (луны) в поэтическом сознании Есенина неизменно ассоциируется с отчим домом, с родными рязанскими просторами, придавая его лирике ностальгически-трагические нотки, окрашенные предчувствием скорого ухода из жизни:

*И вновь вернуся в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повею.*

*Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.
А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам.
И Русь все также будет пить,
Плясать и плакать у забора.*

[7, т. 1, с. 200–201]

Через много лет, когда вдали от родного края поэт испытал все перепетии судьбы, он написал пророческие стихи, до краев наполненные такой безмерной и неизбывной "сердечной тоской", что их место по праву в ряду самых лучших в русской поэзии:

*Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник.
Об ушедшем над прудом
Пусть тоскует конопляник.
Пусть неровные луга
Обо мне поют крапивой, -
Брызжет полночью дуга,
Колокольчик говорливый.
Высоко стоит луна,
Даже шапки не докинуть.
Песне тайна не дана,
Где ей жить и где погинуть.*

[7, т. 3, с. 57]

Это было написано в 1925 году – последнем в жизни Есенина. Из приведенных строчек видно, что образ месяца (луны) как бы закольцовывает жизненный путь поэта, являясь в его стихах постоянным атрибутом деревенской жизни в окружении одушевленной природы. Можно сказать, что по силе пантеистического чувства, "по музыке своих песен и по темам песен – Есенин не европеец. Он – восточник из Евразии" [5, с. 35]. И в этом сущность творческого мировосприятия знаменитого лирика.

В китайском языке, в отличие от русского, слово "луна" традиционно имеет абсолютно положительную коннотацию. И здесь значение слова "луна" ассоциируется с лицом женщины, но это лицо не полное, не круглое, а красивое. Сравним, устойчивые сочетания

花容月貌 *лицо как цветок и луна*
(о красивом женском лице),
闲月羞花 *такая красивая, что луна спряталась и цветам стыдно.*

Луна в китайской культуре считается женским началом (Инь), с ней связана прекрасная легенда о красавице Чань, которая жила на луне.

Раньше считалось, что луна – мать всего сущего, она питает все живое, именно с луной было тесно связано сельское хозяйство.

Со временем луна стала воплощением и символом красоты как общего философского понятия. В китайских словарях зафиксировано более 60 единиц устойчивых сочетаний, большинство из которых имеет положительную культурную коннотацию, например:

花好月圆 *цветы хороши и луна кругла* (о прекрасной счастливой жизни),

花晨月夜 *утро, когда цветут цветы, и вечер, когда сияет луна* (о прекрасном времени),

花前月下 *перед цветами и под луной* (о хорошем месте свидания влюбленных).

Следует отметить, что в древних восточных представлениях о культурах небесных тел культ Солнца уступает культу Луны.

В Китае даже есть особый праздник Луны (中秋节) – который отмечается по лунному календарю примерно в середине осени. В это время луна бывает круглой и яркой. Любуясь на нее, люди вспоминают родной край и близких людей. Не случайно праздник Луны называют также днем встречи всей семьи.

В народе бытует легенда, которая непосредственно связана с этим праздником. В соответствии с преданием, на востоке некогда было десять солнц, которые поднимались на небо по очереди. Но однажды на небе появилось сразу десять солнц. Началась страшная засуха. Не выросло ни единого зернышка.

В то время жил стрелок И (羿), у которого были волшебные лук и стрелы. В результате метких выстрелов И девять солнц как девять огненных шаров скатились с небосвода и упали. Посреди неба осталось только одно солнце. У стрелка И была красивая жена. Ее звали Чаньэ (嫦娥).

Однажды, когда И не было дома, она проглотила эликсир бессмертия, который подарила герою богиня Сиванму (西王母).

Вскоре стали происходить чудеса. Чаньэ почувствовала, что ее тело стало легким, она оторвалась от земли и устремилась вверх, на Луну. С тех пор Чаньэ живет в лунном дворце, страдает от одиночества и тоскует по мужу. Стрелок И тоже скучал по жене. В качестве жертвоприношения он часто ставил на стол любимые женой фрукты. Постепенно это стало одной из традиций в Китае.

Богатая фантазия древних людей передала китайцам не только красивую легенду, но и представление о празднике Луны как времени встречи всех членов семьи. В этот день вечером люди ставят на стол много вкусной еды, среди которой особое внимание привлекают фрукты, овощи и лунные лепешки (月饼) – символ Луны. Все члены семьи стараются быть вместе, они сидят за столом или выходят на улицу полюбоваться красотой яркой луны

и вспомнить о тех родных, которых сейчас нет рядом с ними.

О луне говорится во многих стихотворениях Ли Бая, поскольку он, как никто другой, чувствовал душу китайского народа, ее нерасторжимую связь с миром природы.

1. 静夜思
床前明月光，疑是地上霜。举头望明月，
低头思故乡。

Цзин е сы (Думать в тихой ночи...):

*За окном луна светится,
Вижу иней на земле.
Поднимаю голову - гляжу на светлую луну,
Опускаю голову - скучаю по Родине*
(перевод автора Ц.Х.).

В этом стихотворении яркая полная луна вызывает у Ли Бая тоску по родным просторам, по родственникам, друзьям и близким. Только луна способна понять настроение лирического героя.

2. 秋风清
秋风清，秋月明。落叶聚还散，寒鸦栖复惊。
相思相见知何日，此时此夜难为情。

Цю фэн цин (Осенний ветер холодный)

*Осенний ветер холодный,
Осенняя луна светлая.
Падающие листья собираются и распускаются,*

*Галка спокойно отдыхает и удивляется.
Я не знаю, когда мы встретимся,
В такую ночь мне не спится*
(перевод автора Ц.Х.).

Читателю передается тоска любящего сердца, которое так хочет соединиться с любимой – далекой и близкой, как эта прекрасная светлая луна.

3. 玉阶怨
玉阶生白露，夜久侵罗袜。
却下水晶帘，玲珑望秋月。

Юй цзе юань (Ропот на яшмовой ступени)

*На яшмовой ступени появился белый лёгкий иней,
Ночью на ней долго стоит девушка.
Холод проникает сквозь шёлковые чулки,
А тонкое красивое лицо всё смотрит на осеннюю луну.*

Здесь девушка и луна сливаются в одно целое в призрачных грезах о будущем.

Стихотворные строчки представителей национальных культур – Сергея Есенина и Ли Бая, использование ими образно-выразительных средств языка позволяют сделать вывод о ключевых совпадениях в национальных характерах русских и китайцев: стремление к гармонии, душевность, мечта о миропорядке и вечной жизни, желание быть благородным и красивым в мыслях и на деле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Шоужень. Есенин и Китай // Есенин академический: Актуальные проблемы научного издания. Есенинский сборник. Вып. II. – М.: Наследие, 1995. – С. 268–274.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. О предмете, объеме и функциях лингвострановедения // Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного. Сб. статей под ред. А.И. Попова. – Воронеж, изд-во Воронежского университета, 1984. – С. 16–33.
3. Вержбицкий Н.К. Есенин в Тифлисе // Воспоминания о Сергее Есенине. – М., 1965. – С. 396.
4. Гончаров И.А. Обломов. – М.: Госиздат, 1949. – С. 101.
5. Гуль Р. Есенин. Избранное // Русское зарубежье о Есенине: в 2 т. Т.2: Эссе, очерки, рецензии, статьи. – М.: Инкон, 1993. – С. 34–36.
6. Диденко Л.А. Лингвострановедческая организация работы над текстами произведений художественной и публицистической литературы // Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного. Сб. статей под ред. А.И. Попова. – Воронеж, изд-во Воронежского университета, 1984. – С. 106–110.
7. Есенин С. Собрание сочинений в 5-ти т. / Под общей ред. Г.И. Владыкина, К.Л. Зелинского и др. – М.: Госиздат, 1961–1962.
8. Устрялов Н.В. Есенин (К трехлетию со дня смерти) // Русское зарубежье о Есенине: в 2 т. Т.2: Эссе, очерки, рецензии, статьи. – М.: Инкон, 1993. – С. 73–84.
9. Шуклин В.В. Русский мифологический словарь. – Екатеринбург: Уральское издательство, 2001, – 384 с.
10. Сайт www.baidu.com
11. Сайт www.google.com